Отдельно не продается. № 8 (20). Цена 40 р. вместе с № „Рабочей Газеты"

КРОКОДИЛ

Москва, Воскресенье, 15 октября, 1922 г.

К IV Конгрессу Коминтерна.

Рис. Ив. Малютина.

Маяк коммунизма.

Наш ответ.

НЭП—это действительно условие в государственном масштабе. А частному хозяину и жуликам рабочие не дадут вырасти больше чем надо.

Рис. М. Черемных.

Письмо в редакцию из Кохмы.

Мы рабочие хлопкового склада Б. К. Т. М. читаем вашу газету. Много хорошего и справедливого написано в ней, особенно про рабочую жизнь. Одно нам слово не понятно,—Нэп, и „Крокодил" нам рассказывал про Нэпа, а понять это слово мы не можем; спросили кое-кого из знающих, растолковали нам, да все по разному: кто говорит, что это умный и деловой человек, а кто говорит, что это такое условие в государственном масштабе, а кто говорит, что это жулики, которым теперь свобода. Думали мы думали, да и решили, что кто пишет, тот пусть и об'ясняет.

Пятеро.

НЭП

НЭПМАН

НЭПАЧ

М. Черем. 22

Откуда есть пошел „Крокодил".

В пещере Маабде близ Монфалута,
На правом берегу реки Нила,
Там, где у Фив он поворачивает круто,
Лежат предки нашего «Крокодила».
Окутанные пещерною мглою,
В полотнах, пропитанных смолою,
Древней-предревней тайной запечатленные;
Лежат их мумии нетленные.
Словом, не имеет нынче земля
Такого царя иль короля,
Чья-бы родословная так далеко заходила,
Как родословная нашего «Крокодила».
Он, чья слава в эти дни
Начинает греметь повсеместно,
Был рано оторван от отца и родни.

Когда он родился, никому неизвестно.
Как жил его отец и на какие средства,
Кто были его друзья детства,
Кто ему внушал первые начатки знания,
Об этом он сохранил лишь смутные воспоминания.
Не будем говорить о Ниле и пирамидах,
О всех претерпенных «Крокодилом» обидах,
О его упованьях на будущее лучшее,—
Об этом расскажем при подходящем случае.
Главное то, что в 1883 году

Очутился он в питерском зоологическом саду
И—в России такие случаи были нередки—
35 лет не выпускался из железной клетки.
Выставленный всем напоказ,
Потеха для праздных глаз,
Пугало для барынь чувствительных,
Сколько претерпел он насмешек язвительных,
Сколько получил плевков и пинков,
От пьяных озорников,
От зевак, в саду очутившихся,

ТЕРПИМО

На полтину раскутившихся,—
От почетных и непочетных гостей,
От важных и неважных властей,
Ото всех, до городового включительно,
Торчавшего у клетки многозначительно,
Толстые усы разглаживавшего,
Публику осаживавшего:
— «Осади!... Осади!... Осади!...
Эного чуда не видали!...»
Болтаясь, блестели у него на груди
Медали, медали, медали...
Публика крокодилу, бывало, дивится:
Ахает дебелая девица;
Шустрая барынька рукавом закрывается:
— Ужас! Ужас! Ужас!—
А лакированный хлыщ за ней увивается:
— «Похож на вашего мужа-с!»
Другой муж с прилизанной внешностью
Жену от клетки отводит с поспешностью:
— «Не гляди!... Не гляди!... В твоем положении...
(«Положение» ясное: платье не сходится).
Будешь иметь крокодила в воображении,
Потом крокодил и уродится!!»
. . . .
Был крокодил в унижении,
У всех в пренебрежении
Кормили его, чем попало,
Колотили по крокодильей коже.
Натерпелся он горя не мало,
И насмотрелся тоже.
Был для всех он примером безобразия,
Изгалялась над ним знать и буржуазия,
Особенно-ж терпел он от мещанства,
От мещанского нестерпимого чванства.
35 годиков шутка!
Не знал он светлого промежутка.

Один царь помер, другого—скинули,—
Казалося, дни беспросветные минули,
Но и Керенская пора
Не принесла «Крокодилу» добра.
Только после большевистского переворота
Выпустили «Крокодила» за ворота:
— «Иди, гуляй на полной воле,—
Самим есть нечего боле!»
И вот наш «Крокодил», везде шатающийся,
Теперь «Крокодил» самопитающийся,
В довольстве и почете,
На собственном, как говорится, расчете,
Заведя не малую семеечку,
Не обходится государству и в копеечку.
А польза от него несомненная.
— Сторонися, «публика почтенная»!—
Не дай бог в его страшную пасть
Спекулянту-буржую попасть,

А тем паче проплеванному мещанину:
Сделает из них «Крокодил» мешанину,—
Косточки только—хрусть, хрусть!
— «Вот тебе. «Не рыдай» и «Кинь грусть»!
Вот себе Эрмитажное увеселение!
Вот себе новобалетное оголение!
Вот тебе нэповская литература
С откровенным белогвардейским лейтмотивом!
Вот тебе волчьи зубы и шкура
Под скрыто-эсэровским кооперативом!
Вот тебе бюрократическая повадка!
Вот тебе наглая взятка!
Вот тебе хозяйский прижим!
Это тебе не старый режим:
Заехал в зубы—получил обратно!
Хозяйничай, сволочь, аккуратно,
Барыши к барышам прикладывай,
А в «трудовой кодекс» поглядывай,
Потому что не уйдешь от беды:
Есть у нас «Крокодил» и суды.
В суд попадешь—наскачешься,
В «Крокодил» попадешь—наплачешься,
От слез твоих каменная отсыреет плита,
По всей улице сделается слизко.

ЭЙ, СТОРОНИСЬ, БЕРЕГИСЬ, СВОЛОТА!
«КРОКОДИЛ» ПРОХАЖИВАЕТСЯ БЛИЗКО!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

РАДИ ЭТОГО!!!

Чванство.

Рассказ.

1.

Павел Кудашкин-директор. Павел Кудашкин-начальник. В одном слове—стакан вина. В другом слове—стакан вина. Пьет Кудашкин сразу из обоих стаканов—вот так жизнь, чорт возьми! Был Павел Кудашкин—теперь Павел Иваныч. Ходил пешком—теперь ездит в автомобиле. Ой, не говорите! А кабинет-то какой! Огромный-огромный. Светлый-светлый. А столто какой! Под сукном. Зеленый. Восемь ящиков выдвижных. Кабинет, стол, телефон, автомобиль, швейцар. Это, наверное, во сне. Если это не во сне, обязательно надо держаться за такое место. Зубами вцепиться надо. Разве шутка сказать:

— Ди-рек-тор.

Простой рабочий и, вдруг, товарищ директор.

2.

Бежит автомобиль и земля под ним бежит. И небо над ним бежит. Вся улица бежит. Весь город бежит. Вот так жизнь! Слесарь идет. Маляр идет. Каменщик идет. А Кудашкин на крыльях несется. Выше слесаря, выше маляра, выше каменщика. Вот так жизнь!

— Ди-рек-тор.

Сидит Кудашкин на кожаной подушке, глазами весельми улыбается. По одну сторону—инженер, по другую сторону—инженер. Вот с какими людьми приходится сидеть. Они курят и он курит. Они ноги вытянули и он ноги вытянул.

— Рав-но-пра-вие.

3.

Какая смешная слободка. Избенки-то какие маленькие. Рабочие на заваленках сидят в растегнутых рубахах. Жены семячки шелушат. Ребятишки под ногами ползают. А когда-то и Кудашкин жил вон в этом домишке. Теперь живет в городе. В большом шестиэтажном доме. Нельзя директору завода оставаться в рабочей слободке. Ни один инженер не будет считать за настоящего директора. Ни один специалист не будет чувствовать настоящего уважения.

— Здравствуйте, Павел Иваныч!

— Мое почтенье.

— Заезжайте чайку попить.

— Некогда, товарищ Самойлов. Сегодня у меня заседание правления.

— Здравствуйте, Павел Иваныч!

— Мое почтенье.

— Как поживаете?

— Трудно, товарищ Григорьев. Хочу уходить.

— Да что вы?

— Работать невозможно с членами правления.

Ох, и плут стал Павел Кудашкин! С инженерами одним языком. С рабочими—другим языком. Кабинет, стол, телефон, автомобиль, швейцар. Если это не во сне, обязательно надо держаться за такое место. С инженерами ссориться невыгодно и с рабочими ссориться невыгодно.

— По-ли-ти-ка.

Единственно только поэтому и приходится говорить двумя языками.

4.

Зеркало что ли какое особенное, или на самом деле товарищ Кудашкин изменился? Усы, как-будто, не его. Были длинные, свешивались вниз, теперь на английский манер: только клинышек узенький под ноздрями. И щеки не его. Гляди, как раздуваться начали, розовыми делаются. И глаза не его. И шея с белым воротничком не его. Синий костюм, в зубах хорошая папироса. На ногах хорошие ботинки. Ерунда. Конечно, это он. Нельзя же директору ходить, как простому рабочему. Иначе ни один инженер не будет иметь к нему настоящего уважения. А кроме того..

Да.

Кроме того, приходится быть в «инженерном» обществе. Не хорошо сидеть в синей блузе около дамы. А все-таки приятно, когда не узнаешь себя в зеркале. У инженеров вообще принято ручку целовать дамам. Кудашкину тоже в силу необходимости приходится подчиняться этикету. Ну, конечно, он не целует пока. Дело не в этом. Вообще, что-нибудь придется проделать, чтобы не считали его мужиком необразованным.

5.

Хорошо, а Кудашкин недоволен жизнью. То-есть, не жизнью. Это неверно. Женой недоволен. Ну, представьте себе. Простая женщина. Носит ситцевое платье, повязывается косынкой. Наплевать, и это бы не беда. Любое платье можно выбрать на Тверской. Шляпку можно посадить вместо косынки. Дело не в этом. Обращения никакого не знает. Вот чорт! Как была жена рабочего, так и осталась. Кудашкин ей говорит.

— Ты теперь жена директора.

А она:

— Ну, Пашенька, какой там директор! Я тебя и так люблю.

Возьми ее. Придут гости, она прячется. У инженеров бабы сами лезут, глазами играют, а эта, солома ржаная, людей боится. Выйдет в своей косынке—Кудашкина в жар бросает. Нет, с такой женой в люди не выйдешь. Через нее и к нему не будут иметь настоящего уважения. Сразу видать—простая работница. По совести признаться и староввата немножко. Эх, в шелковых бы чулках подцепить! Штучка.

6.

Так и решил Кудашкин. Прямо сказал жене в черной косынке.

— Мы с тобой неподходящи друг другу.

Ушла жена в ситцевом платье, пришла другая, играющая глазами. Тоненькая, молодая, в шелковых чулках. Ох, какая интересная! Чай не пьет,—кофею просит. Булки надоели—сухарей сдобных купи. Юбка из моды вышла—в магазинах другие появились. На шоколад четыре миллиона. На груши дюшес четыре миллиона. На театр четыре миллиона. Маникюр, духи, одеколон. А какое обращение! Мерси. Пардон. Мне сегодня скучно.

7.

Накормил Кудашкин в последний раз молодую жену грушами дюшес, и ровно в два часа ночи на автомобиле Г-П-У переехал на другую квартиру.

Бывает. До того-ли еще чванство доводит.

АЛЕКСАНДР НЕВЕРОВ.

А ВЫБРАВ ИХ, ВОЛОКИТЕ НА СВАЛКУ!

В советы же пошлите честных беспартийных и коммунистов.

— Вот оно упрощение... Три недели хожу, а раньше бы в день дело справил.

Все в прошлом.

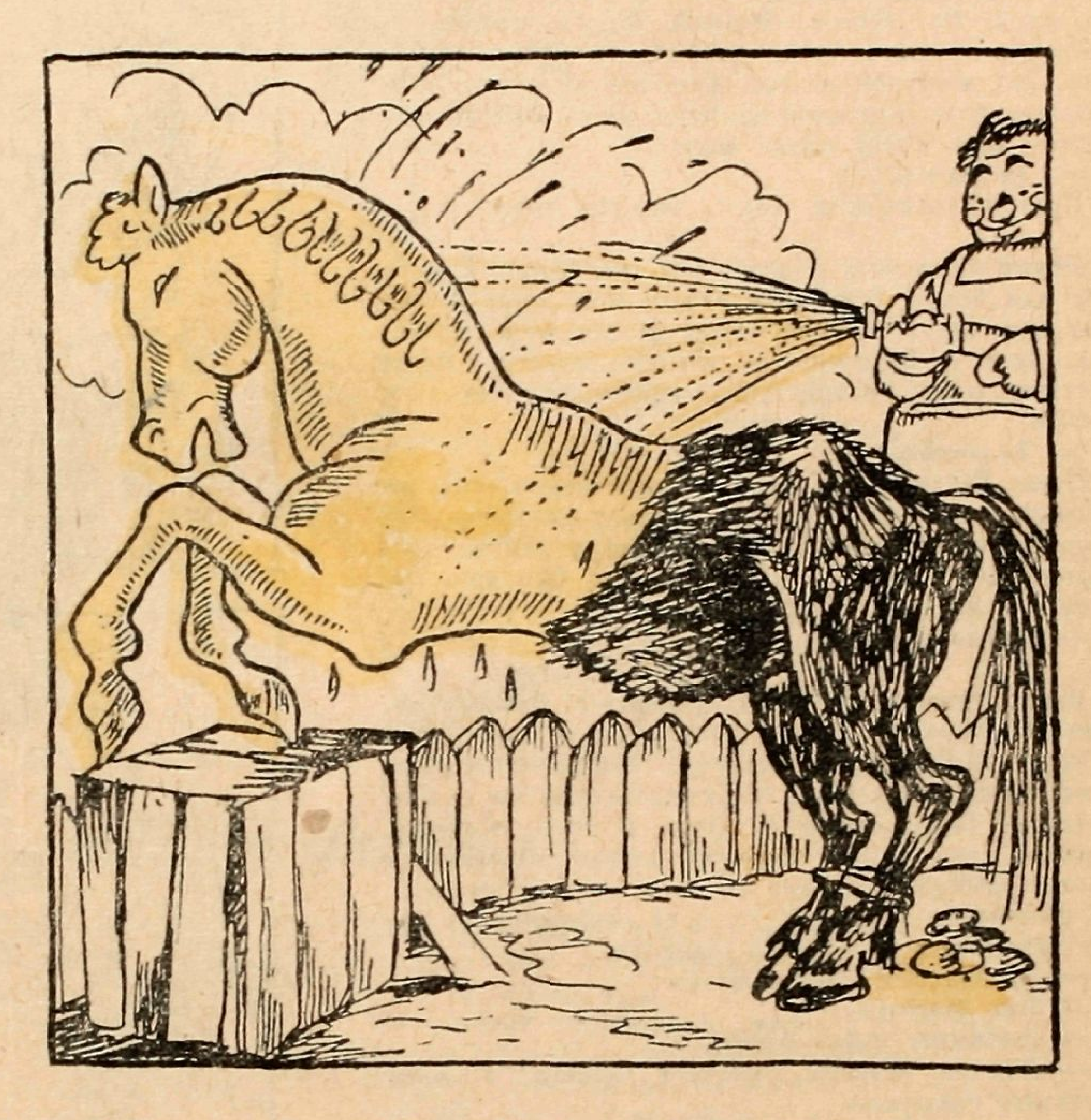
МЕТАЛЛИЗАЦИЯ.

Инженер Шооп изобрел способ покрывать дерево и др. предметы слоем металла отчего эти предметы приобретают твердость и прочность металла. (Из газет).

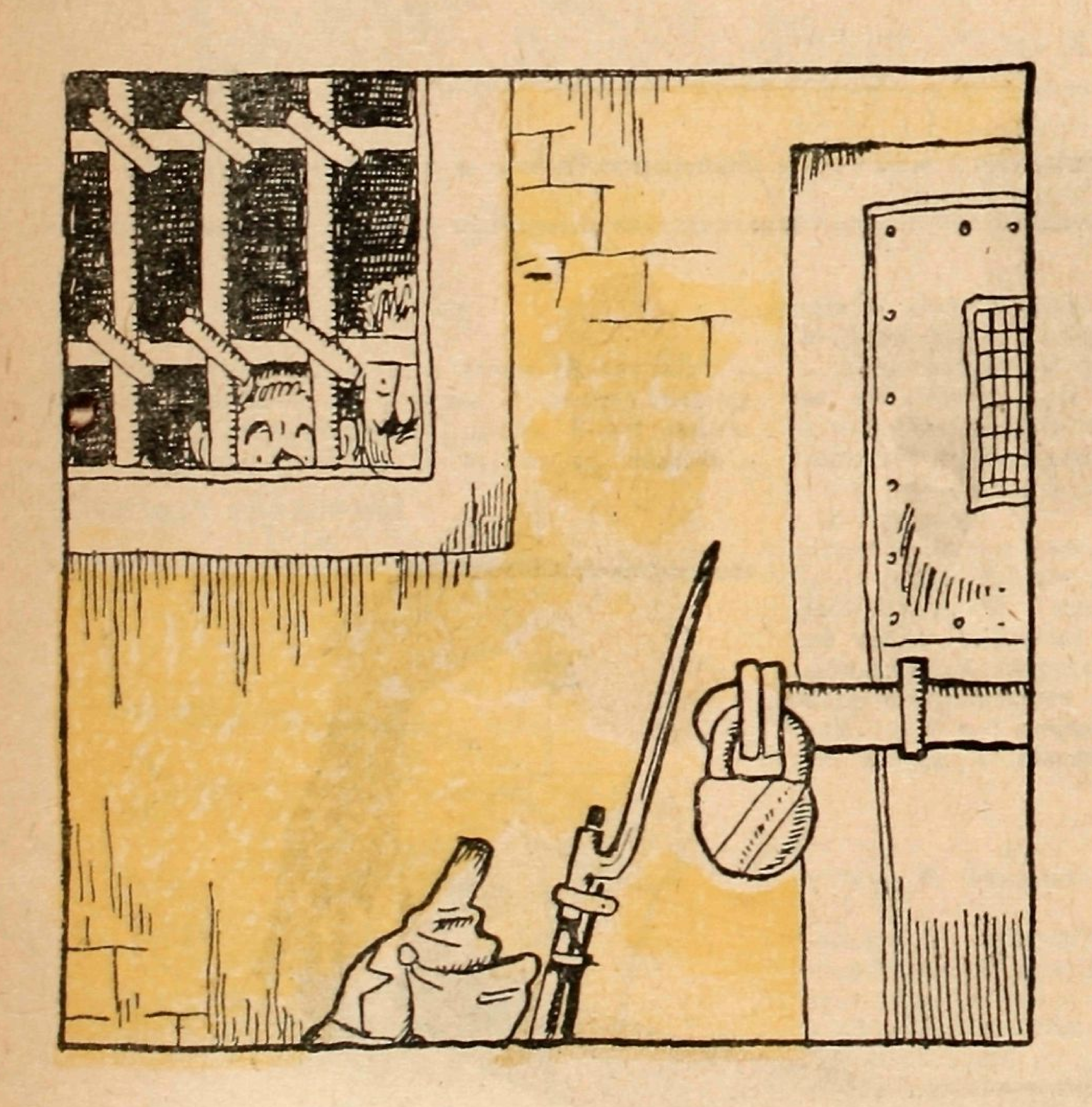
Рис. Б. Ефимова.

По способу святейшего Тихона.
(Никому не рекомендуем).

По способу Шоопа.
(Рекомендуем для памятников).

По способу Г. П. У.
(Рекомендуем для взяточников).

По способу Пуанкаре.
(Применяется в Германии, но способ будет вскоре отменен германскими рабочими).

Европейский концерт без дирижера.

Рис. Д. Моора.

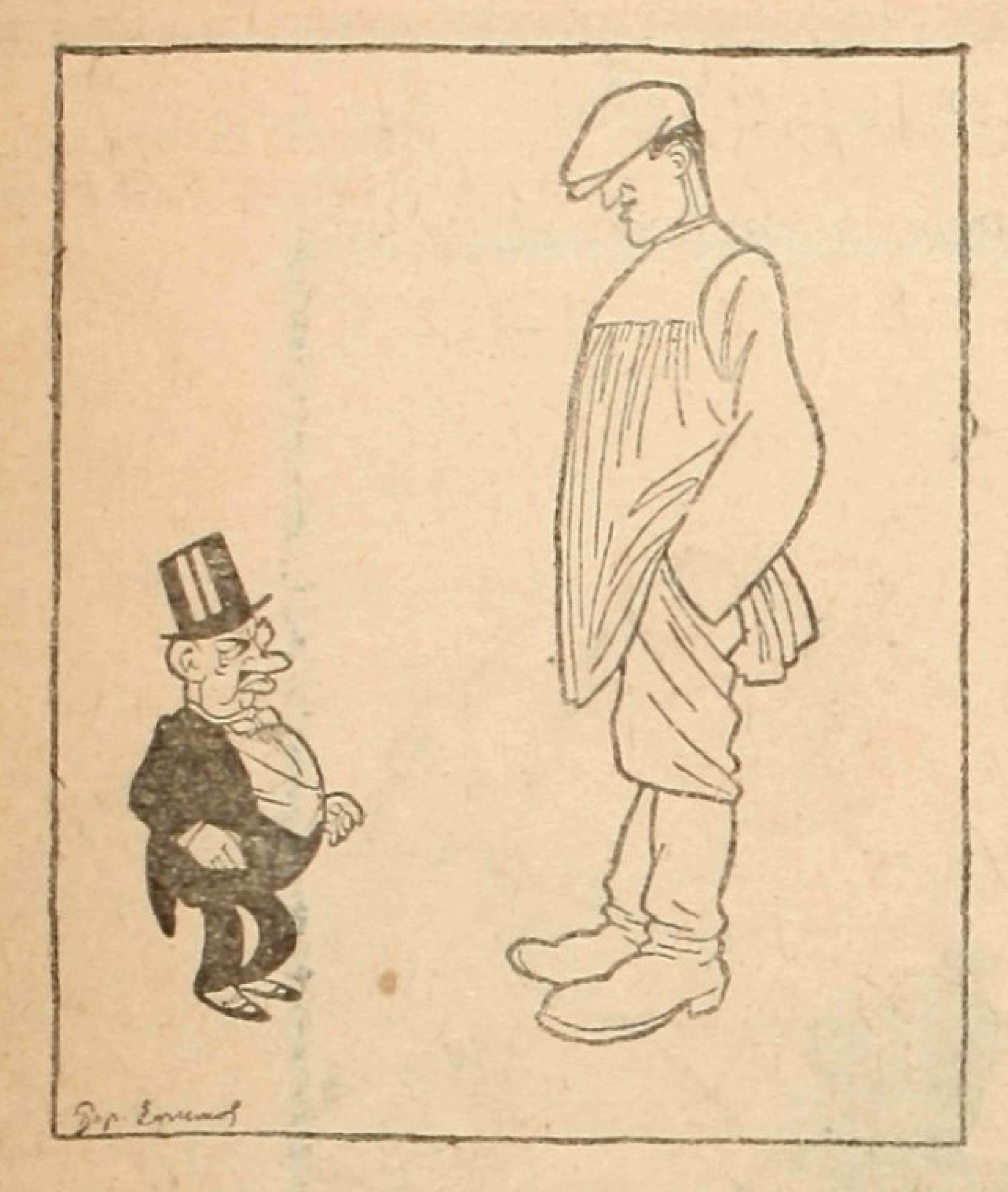
Кто в лес.

Кто по дрова

Просят не смешивать с нашими Московскими концертами симфонического ансамбля без дирижера. У нас—коллективное творчество и поэтому все идет гладко. Здесь же—„как вы ни садитесь,—все в музыканты не годитесь“.

Латвия и Коминтерн.

Латвия.—Так вы не закроете своей латвийской секции?

Коминтерн.—Конечно, нет!

Латвия. Ах, так. Ну и не надо.

Губпресса в Губисполкомии.

Была у матери Печати маленькая дочка Губпресса, и такая она была незадачливая, что ей всяко лыко в строку ставилось.

Наказывает мамаша дочке через Российское Телеграфное Агентство:

— Освещай, разоблачай, выводи на свежую воду... Ничего, смотри, не замалчивай...

Идет Губпресса с разоблачительной целью по улице. Видит две Губшишки в двух Губучреждениях «волокиту» высиживают:

— Караул!...—закричала Губпресса и схватила Губшишок за галифе.

Прибежал на шум Губисполком:

— Чего ты здесь шумишь?... Никакой в моей Губисполкомии «волокиты» нет и иметь ее мне по программе не полагается!... Об'являю на первый случай строгий выговор.

С'ела Губпресса выговор, думает:

— Не стану трогать Губшишок! Буду освещать, кого помоложе.

Идет по улице, видит кондуктор, взяточками промышляет:

— Караул!...—закричала Губпресса и схватила взяточника за шиворот.

Но у кондуктора была рука в милицию, милиция вломилась в амбицию, подали губвласти петицию на клевету в печати.

— Прибежал Губвласть:

— Какие в нашей Губисполкомии могут быть взятки, если на них даже кредитов не отпущено. Покажет тебе Губюстиция, выдумщица.

Взял Губпрессу и посадил в Губкутузку.

Отсидела Губпресса, что положено:

— Не стану, думает, трогать взяточников... Ну их!... Садану-ка по кооперации...

Идет, видит сидят в кооперативе две Губакулы, и по всем нэповским правилам, с покупателей три шкуры дерут:

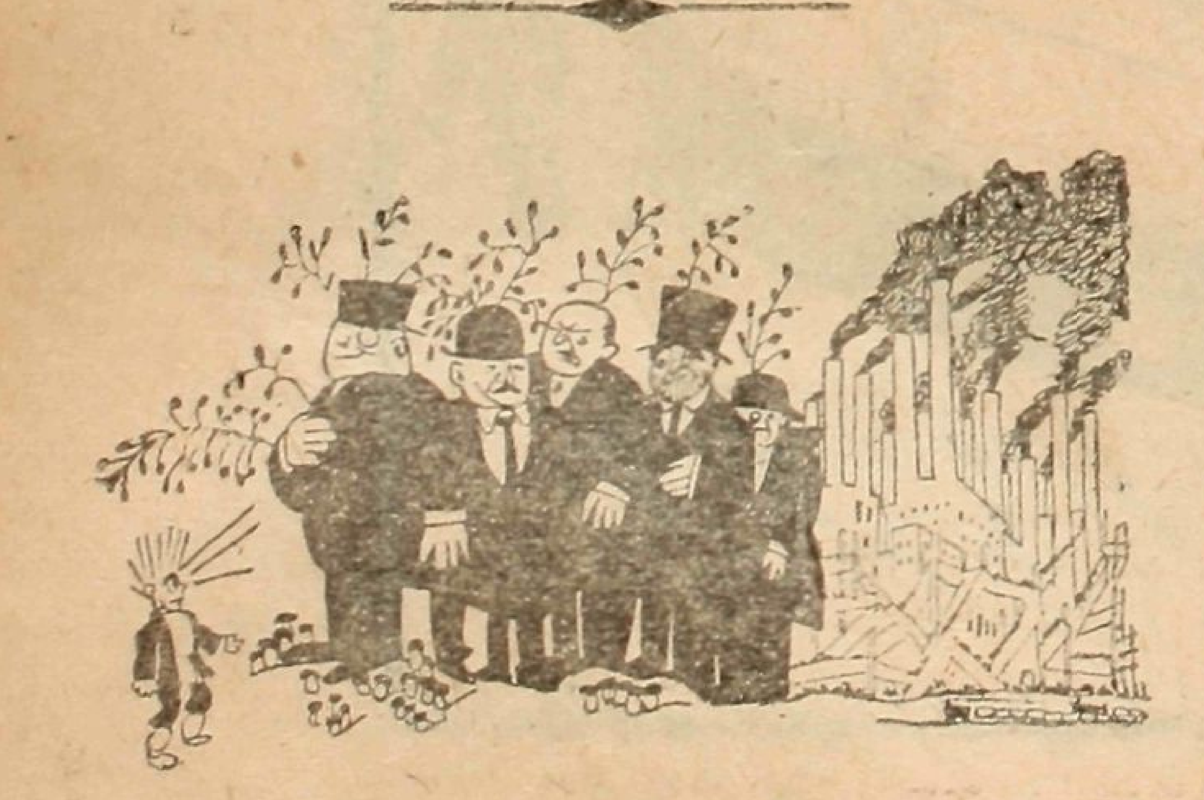
— Караул!...—закричала Губпресса.

Но «кооператоры» были тертые калачи, знали где и какие кнопки следует нажать...

Нажали... Прибежала... и т. д.

... Но Губпресса все же не умерла... Живет она и досель, питается исключительно Ллойд-Джорджем.

М. АНДРИЕВСКАЯ.

Тот, кто пугается Нэп'а—из-за деревьев не видит леса.

Радио на вкус

(Картина будущего).

Изобретен аппарат для приемки радио-телеграммы на вкус.

(«Красная Газета»).

— Слушай, Маша! По моему в этом кушанье совсем нет соли. Сосу, сосу, а во рту все пресно.

— Ну, возьми да посоли английское радио.

— Это, называется, посоветовала! Тьфу, тьфу! Будь оно трижды проклято! Ты отравить меня, что ли, хочешь? Весь язык Ллойд-Джорджем обжег! Б-рр! Какая мерзость!

— А по моему, у английского радио очень приятный вкус. Оно очень хорошо для приправы.

— В тебе всегда сидит дух противоречия. В один прекрасный день ты подашь нам к обеду радио русских монархистов—де-валяй—и будешь уверять, что это вкусно.

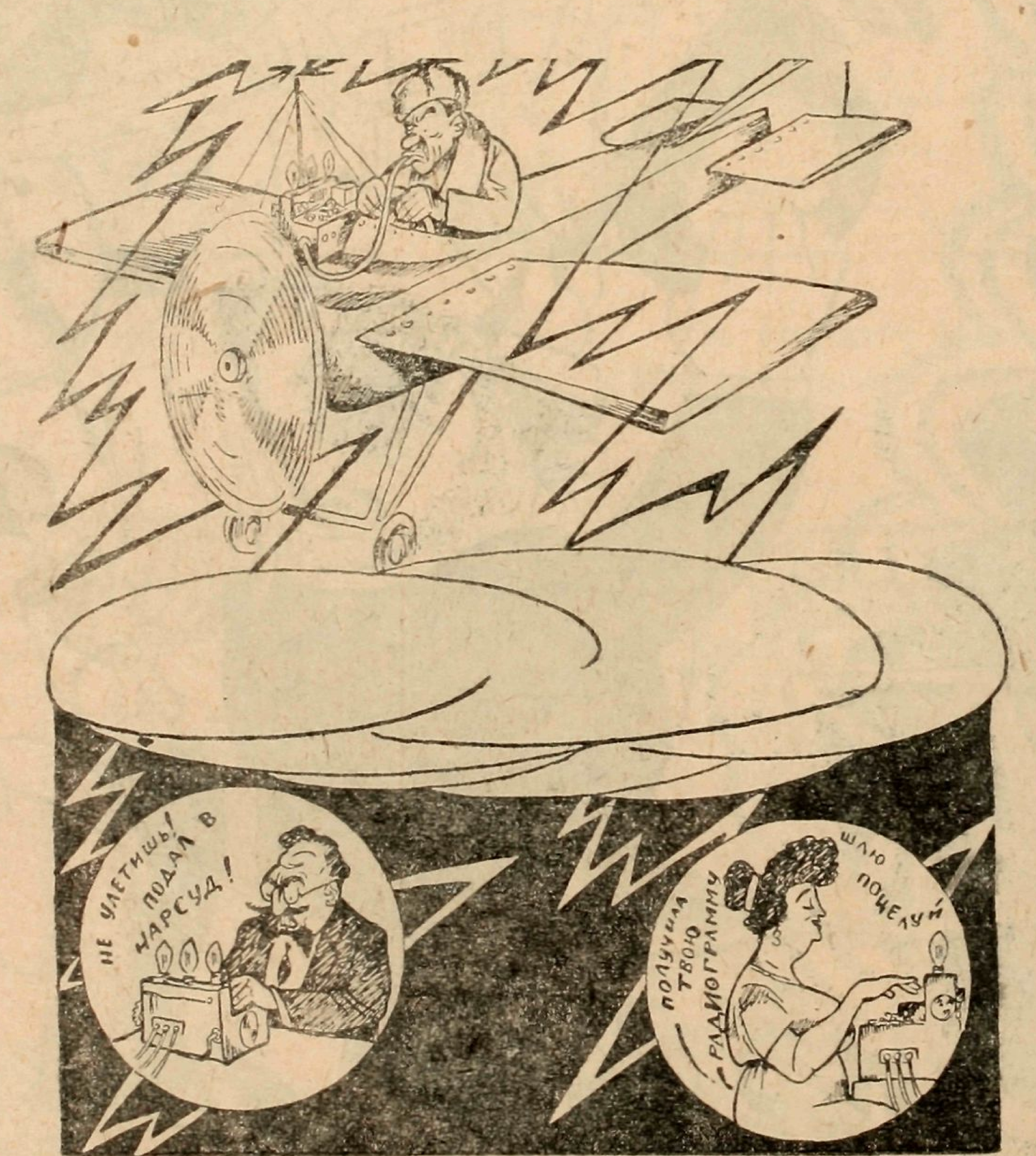
— Послушай, Николай, ты кажется забываешься!

— Нисколько! Почему ты не готовишь по поваренной книге? Я же тебя просил, требовал, умолял...

— А я как делаю? Вот! Убедись! Извольте прочитать:

— **«Пудинг-сосунец».**

«Взять два радио Наркомпроса, растолочь в ступке, прибавить три белых радио, взбитых докрасна, доложить по вкусу радио «Роста»—сосать вперемешку с американским радио.

Летчик.—Сосу-сосу радио и никак не разберу—кислое или сладкое...

— Ну вот! Ну вот! А ты вместо «Роста» подложила французское радио. Я ясно чувствую кровянистый запах Пуанкаре. И потом твои белые радио—ты взбила только дожелта,—они ужасно вяжут язык.

— Ты ко всему придерешься! Развалина! Тебе бы только на наркомздравском радио сидеть, да сосать.

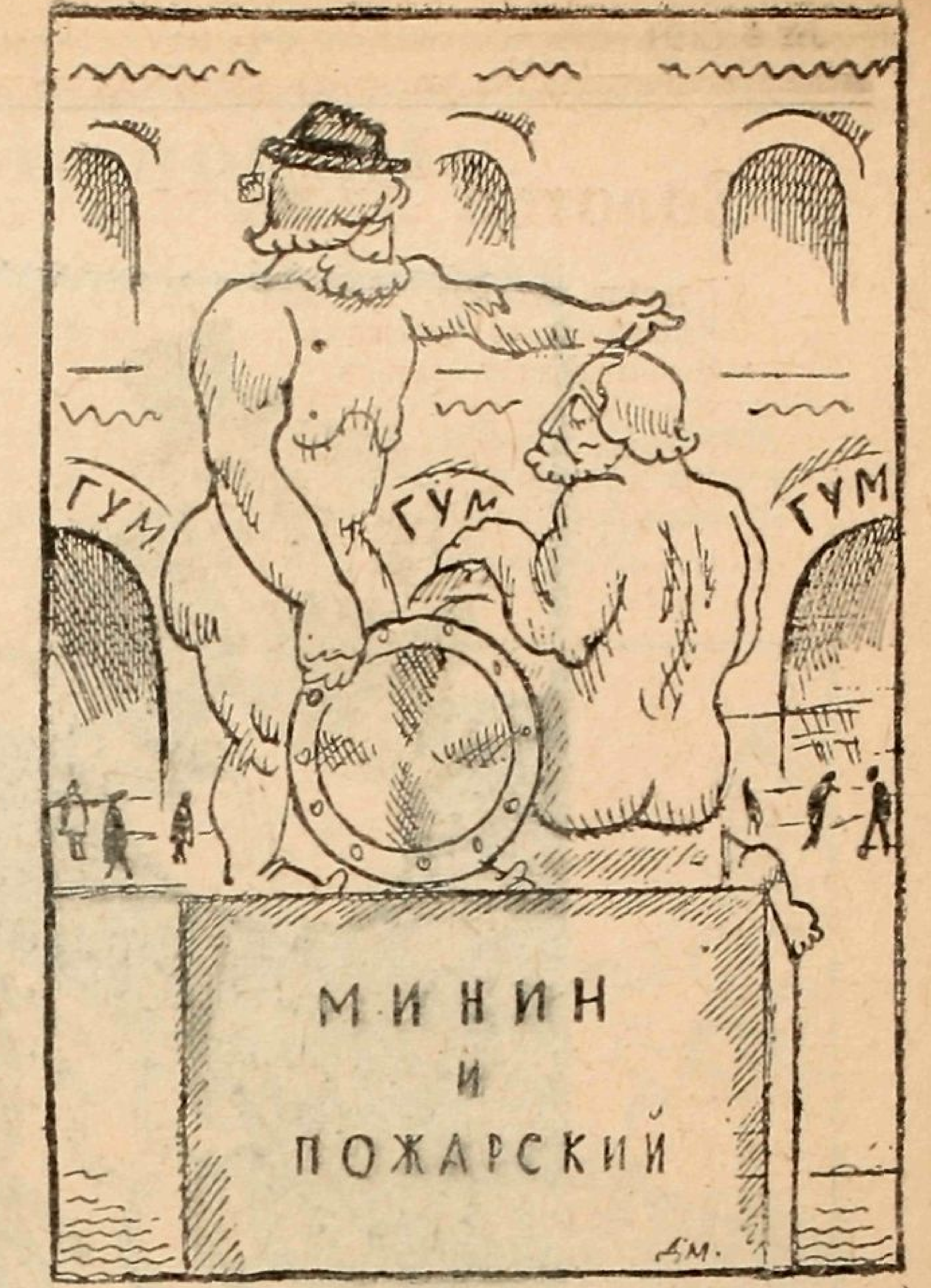
— Сама хороша. Обед безобразный, дети голодные! Ты, чего доброго и грудного забыла покормить?

— Не беспокойтесь. Он уже полчаса тому назад сосал мое радио, а теперь спит.

— Мама, а сладкое к обеду будет.

— Будет, будет. Вон видишь Наркомпродовское радио передавать начинают. Соси скорее!

Зуб.

Пожарский.—Где это с тебя последнюю рубашку сняли?

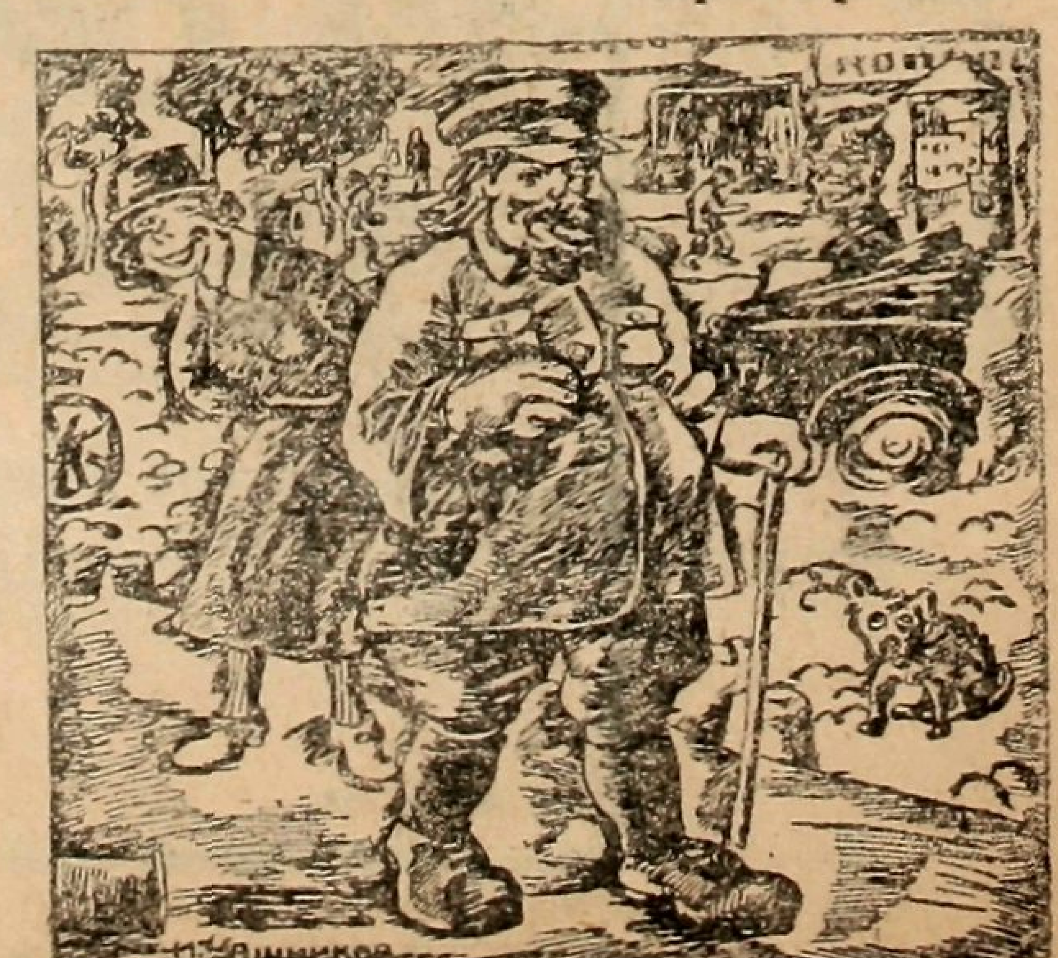
Минин.—Да вон в Гум'е. Зашел шляпу купить—пришлось рубашку оставить.

Пожарский.—А я зашел в Гум пообедать, да все с себя и пробедал.

Спор о боге.

Раз вечернею порой,
Встретившись в дороге,
Ксендз, раввин, да поп с муллой
Спорили о боге.
Бог один,—сказал мулла,
Только вера разна.
— Нет, ты врешь! Твой бог алла—
Образец соблазна:
Дух затей его пустых
Не в духовной требе
И устроил для святых
Он гарем на небе,
Возразил ему раввин,
Занусив маслиной.
Поп кричит, что бог один
Но—и триединый.
Папе римскому похвал
Ксендз изрек премного.
Скоро в ссору и скандал
Вырос спор о боге.
В этот раз они в борьбе
Глоток не жалели,
Ведь, противников себе
Каждый трех имели.
Чтобы всех перекричать,
Каждый крик утроил.
Остальных всех обругать
Каждый удостоил:
— Не от бога вы, лжецы,
Плуты, лицемеры,
Идиоты и глупцы,
Хамы, изуверы!
Друг на друга меж собой,
Наступая смело,
Все они вступили в бой
За пустое дело.
Было спать бы им пора,
Но в азарте драки
Так и грызлись до утра
Боговы собаки.

Юрий Кроткий.

И без рясы видно...

Золотой листовал.

Подойду, подойду, пристану,
Рдяной земле помолюсь.
Искры нажитв рдяной
Нежную славят Русь.
Искрами рдеет рябинник.
Медно рдяной лист
Але летит по долине,
Емким узором повис.
Той ли дорогой осенней,
С алым ковром на следу,
Я между тихих селений,
Путник уставший, пойду.
Осень в далекие сини,
Дерева рдяный убор
По золотистой долине
И по горбатинам гор
Сеет и сеет и сеет,
Катит и катит в лог,
Алой постелью своею
Низ устилая дорог.
Ах, от неправды б забыться.
Радостью новой жить,
Алым полям молиться,
Благовест зорний ловить,
Около старой повети,
Что заросла, не узнать,—
Утром в зорнем свете
Юные дни вспоминать!
Где ты, где ты былое,
Алых дней узор?
За голубою горою
Еловый стынет бор.
Там золота и ала,
Утренний слушая вей,
Иглы рука листовала
Кинула связкой огней.
Росы обрызнули пряди
Озолоченных низин.
К пашням в поблекшем наряде
Отдых нашедший, один,
Долом иду я и славлю
И восхваляю поля,
Легкость для сердца найдя...

Некто в изломанной шляпе.

Примечание конторы: Просим читать заглавны буквы сверху вниз.

● ● ●

Крик моды.

(Посвящается Москве).

Укоротились до минимума брюки,
На ботинках сузились носочки,
Отцвели на галстуках цветочки,
Вымыты одеколоном руки.
Френчи всюду страшно надоели,—
Их носить становится неловко.
Нэпо-франты уж давно одели
Помесь из богемки и толстовки.
Модою обужены фестоны.
(Пиджаки интернационально стары),
Если только держитесь вы тона,
Одевайтесь точно по фасону «Ары».
Впрочем, не мешало бы создать «Госмоду»,
Мы теперь не то, что были прежде.
Нужно обязательно привить народу
Принцип элегатности в одежде!

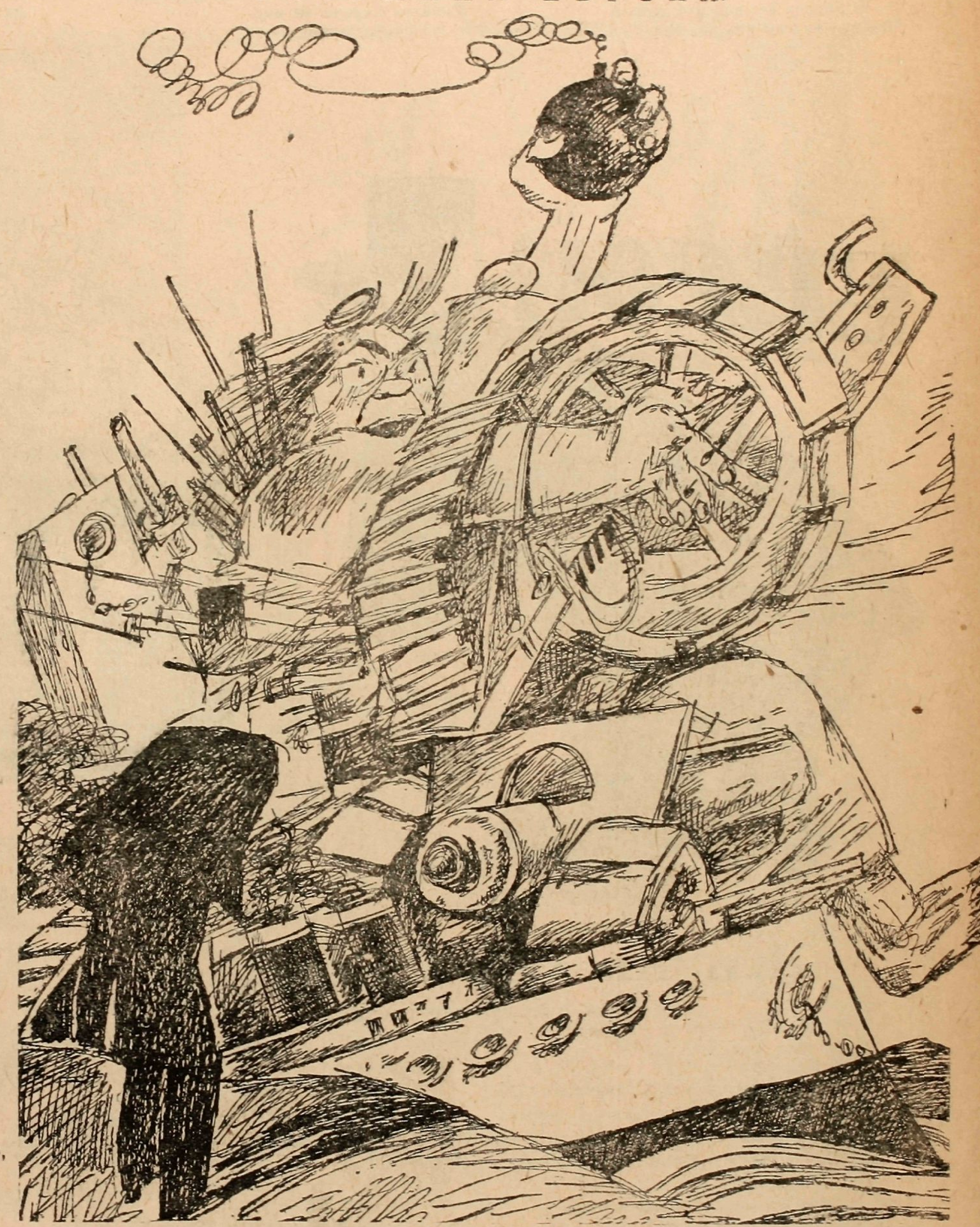
В. О.

— Слышали? Чичерин вернулся!
— Как же! Как же! Большевики за него остров Сахалин дали, да церковные ценности в придачу.

Америка должна прекратить кредит Европе. Европа задолжала Америке колоссальную сумму денег, потратив все американские кредиты на вооружение.

Рис. М. Черемных

БЕЗУМНАЯ ЕВРОПА.

Америка. Похоже на то, что вся эта артиллерия и по мне палить начнет.

На выставке.

Были вы на выставке художника Пальмова?... Нет?...

Очень рад... виноват—очень жаль!

Сходите—это у «Тарха». Только будьте осторожнее—лестница темновата: доказательством этому служит шишка на моей голове.

Войдя на выставку, на стены не глядите. Покупайте каталог и брошюрку о художнике Пальмове, поворачивайтесь и идите домой.

Больше вам ничего не нужно, ибо впечатление от прочтения брошюрки и каталога будет гораздо лучше, чем от лицезрения самих произведений.

Хотя,—если у вас крепкие нервы, вы можете взглянуть и на стены. Там висят куски холста, на которых много разных красок и должно быть хороших красок!...

Есть и музейные редкости: семейный портрет, где у отца три лица и три правых руки, у ребенка шесть или семь ног и так далее!...

Если вам вздумается показать свои познания в искусстве, то с первого же шага восхищайтесь во все горло, но избегайте называть «Утро» «Осетриной в томате» и «Фактуру жести»—«Железной крышей». Ведите разговор так:

— Ах, какая прелесть! Какие дивные, прозрачные краски! Сколько динамики!... Какая конструктивность!!! (немножко нежнее):—А что такое здесь изображено?...

В этом случае гарантирую, что художник не только даст вам все об'яснения, но и вручит на память открытки со снимками с выставленных работ. Но только вы эти открытки избегайте показывать кому-либо: от разгадывания их содержания с неопытными может случиться пляска святого Витта...

А. ИВ

● ● ●

ОКНО ИЗ ЕВРОПЫ.

Забитое крепко давно
Европа раскрыла окно,—
В Европе без воздуха душно.
Глядит—на яву иль во сне:

Советское солнце в окне,
Дым фабрик веселый и дружный.
Дивится Европа на вид
И злость ее душу язвит:

— Давно бы открыть мне окошко,
Давно бы начать торговать...
Да только я, можно сказать,
Ошиблась в рассчетах немножко.

Жизнь совчеловека.

(Из моей будущей автобиографии).

оспоминания мои начинаются с 1922 года. Я был тогда молод и полон кипучей энергии „Куда, куда вы удалились, экатые дни моей весны!“.

Помню, пришел я в редакцию. Принес статью.

— О чем?—спросил редактор.

— О том, что нужно, наконец, помочь Донбассу! Согласитесь, товарищи: без угля мы не восстановим промышленности, не восс....

— ...тановим транспорта,—сказал редактор.—Донецкий шахтер голодает. Необходимо во что бы то ни стало...

— ...предотвратить окончательное распыление рабочей силы Донбасса. Так у меня и написано. Но вы-то откуда же знаете?

Редактор пожал плечами:

— Да кто же этого не знает? «Правда» еще с полгода тому назад писала...

— Значит, не надо вам?...

— Как так не надо? А разве Донбассу помогли? Статья более, чем своевременна. Давайте, давайте: мы ее завтра—передовицей!

«Куда, куда вы удалились»...

Время шло. На своем жизненном пути я встретил очаровательное существо....

Мы сидели вдвоем.

— Чивой-то вы скучный такой! Сказали бы что-нибудь!—нарушила она молчание чарующей ночи.

Я сказал:

— Нужно помочь Донбассу.

— Да, без этого мы не восстановим промышленности, не наладим транспорта!—взвольнованно отозвалась она.

— Донецкий шахтер голодает. Манечка, я вас люблю безумно!

— И я вас, Ванечка! Необходимо во что бы то ни стало...

становить распыление ра..

— Нет, уж вы сначала с мамашей поговорите, а потом и целуйтесь!.. ...Рабочей силы Донбасса

Эта ночь решила нашу судьбу. «Как хороши, как свежи были розы»!

Шли дни за днями. Служба, комиссии, совещания, с'езды, входящие, исходящие, еда—обувь—одежда...

Но по вечерам заходили иногда товарищи. Идейные, честные, пылкие. И мы, засиживаясь далеко за полночь, отводили душу в жарких беседах.

— Дело не в комиссиях, не в совещаниях,—начинал кто-нибудь из нас, едко и желчно усмехаясь.— Дело вот в чем: нужно, наконец, помочь Донбассу!

— Совершенно верно!—горячо подхватывал я. Без этого мы не восстановим промышленности, не нала...

— ...дим транспорта! Донецкий шахтер...

Входила жена. Ласково клала мне руки на плечо. И спрашивала:

— Чай будете пить?... Донецкий шахтер голодает. Необходимо во что бы то ни стало...

«Облетели цветы. Догорели огни...»

«Мечтам и годам нет возврата»! Но это ничего, что его нет.

На смену мне подрастает мой сын. Шустрый такой парнишка.

Недавно я спросил у него

— Когда выростешь, кем ты будешь?

— Горным инженером. В Главугле буду командовать!—ответил, не задумываясь, мальчишка.

Я возложил ему на голову мои руки и взволнованно произнес:

— Ладно, старайся! Сейчас ты, конечно, мал и глуп.. Но когда выровняешься и сделаешь улыбающуюся тебе карьеру, вспомни тогда, о, сын мой: нужно помочь Донбассу! Без этого...

Оголец вышмыгнул из-под моих рук и скороговоркой докончил:

— ...Мы не восстановим промышленности, не наладим транспорта. Донецкий шахтер голодает. Необходимо во что бы то ни стало предотвратить...

— Постой, постой!—ухватил я его за ухо:—ты откуда же знаешь? Яйца курицу учат?

о малец спокойно ответил:

— Какие там яйца! Небось, нас в первой ступени учат этому. В христоматии написано. Экося!... „Счастливые, золотые годы детства“!

ГРАМЕН.

Жилищная атлетика.

Рис. Ив. Малютина.

Тяжелая атлетика.

Свет, дрова, вода и ремонт легко выжимают рабочего из хороших квартир...

Легкая атлетика.

...в то время как буржуй своими дензначными мускулами легко выжимает свет, дрова, воду и ремонт.

Крестьянин!

Рис. М. Ч.

не продавай хлеба спекулянтам!

Черная маска.

В центре прекрасного города Кременчуга расположен прекрасный «Пролетарский сквер».

Нечего говорить о том, что в нем есть прекрасные деревья, прекрасные скамейки, прекрасные клумбы.

Но, кроме всего этого, в «Пролетарском сквере» есть прекрасная сцена—эстрада-раковина. На одной стороне ее написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а на другой «Пролетарії всіх країв, еднайтесь!», что в сущности одно и то же.

Давно, давно (сторожилы смутно помнят) в 1919—1920 г.г. на этой эстраде выступали перед кременчугским пролетариатом товарищи: Троцкий, Калинин, Луначарский...

Но жизнь пошла вперед. Теперь здесь показывает чудеса силы и ловкости «французский» чемпионат борьбы, где борятся такие чемпионы мира, как содержатель кафе, как сын бывш. табачного фабриканта и другие. Говорят, будто и губком, и губисполком одинаково согласны с тем, что это духовно воспитывает пролетариат, но точно об этом неизвестно.

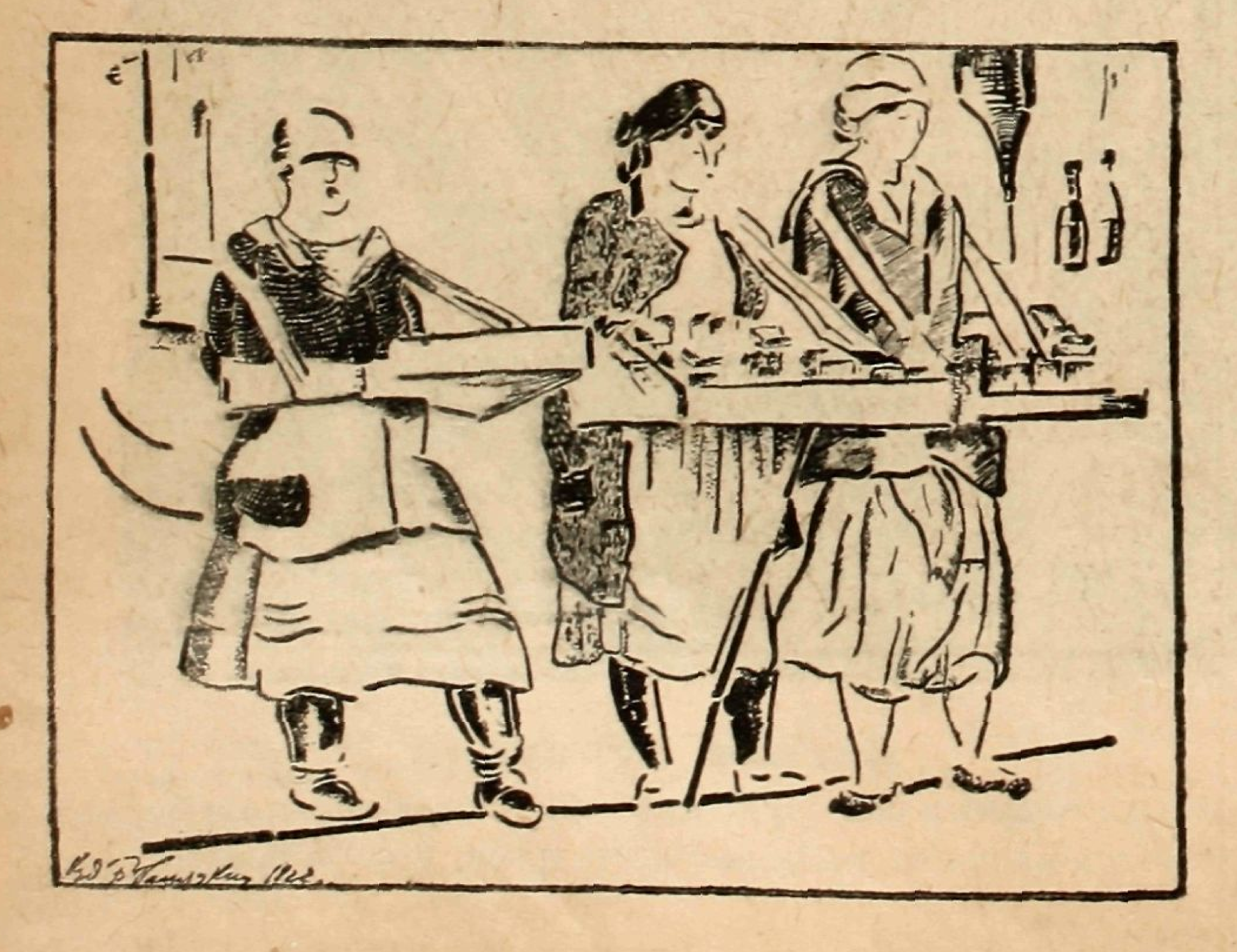
Грозой всех борцов была «Черная маска». Ей не было равной, она была неположимой. Кто этот таинственный силач, скрывающийся под столь мрачной маской?

Шопотом передавались слухи из уст в уста. Умы кременчугских граждан терялись.

И однажды... Черная маска была положена. Маска была сорвана. Таинственный незнакомец оказался... комендантом города.

Ликованию не было пределов.

Антон ЛЕОНОВ.

ГНИЛУШКИ СО СТАЖЕМ.

— Почему вы не перемените вашего заведующего канцелярией?—спросил я начальника учреждения, в котором меня протомили 6 часов безо всякого толку, посмотрите, ведь он стар, ленив, привык, к волоките и вообще, по моему, ни к чорту не годится!

— Ну, что вы! Как можно! Он был еще до войны заведующим целой банкирской конторой «Голь-Шмоль и К°», у него многолетний стаж!

— Послушайте, почему вы не прогоните ваших старых никчемных инженеров,—говорил я в строительном Главке.—Из десятка у вас хорошо и честно работают только двое. Оставьте этих двоих и дайте возможность работать молодежи.

— Какой вы чудак!—снисходительно улыбнулись мне в ответ. Да знаете ли вы, что из этих восьми человек, которых вы предлагаете уволить, двое еще при Александре III строили мосты? А вы—уволить! Стаж-то какой!

— Скучно у вас идет работа,—говорил я правлению пролетарской студии.—Закисли вы, как мухи! Кто у вас преподает? Старики какие-нибудь? Вы бы пригласили в руководители парочку студийцев от Мейерхольда,—и вы бы ожили, да и они бы не голодали.

— Помилуйте, как можно!—засмеялись мне в лицо.—Вы знаете, кто у нас преподает? Что? Не знаете? Ну то-то, вот и оно-то! У нас преподает старейший артист бывших императорских театров. Вас еще на свете не было, а он уж играл. Стажище-то какой!

Уважаемый товарищ, редактор «Крокодила»!

Я не имею стажа Ломоносова, не был знаком ни с Тургеневым, ни с Гоголем, я даже не Аверченко, но я надеюсь, что именно потому в «Крокодиле» поместят этот вопль исстрадавшейся души.

— Когда же почтенные, старые, дипломированные гнилушки перестанут мешать молодежи жить и строить новую жизнь!?

В. КУМАЧ.

потом рабочий кланяться им должен!

Из писем читателей.

ЧЕРНЫЙ КРОКОДИЛ.

Есть и такой. Вот что пишут нам комсомольцы загородной школы 2-й ступени № 3 «Искра» (около Воскресенска):

— Есть у нас в школе крокодил самый наичернейший и получил он прозвище крокодила три года назад, за то, что старательно грызет и пожирает всякую свободу и самодеятельность учащихся. У нас есть самоуправление, но это только на бумаге: всем вертит крокодил, который называется еще зав. школой Е. А. Кирпичниковой.

Эй, кто там есть, все равно:
Наркомпрос, Губпросвет, Губоно,—
Черного вам крокодила
Мы подцепили на вилы.
Пусть он не мучит ребят
Целых три года подряд.

ЖИВОЙ ОХРАННИК.

Вот что пишут нам из Екатеринбурга:

— Уполномоченным высшего церковного управления по Екатеринбургской епархии назначен священник Африкан Богомолов, печатно заявляющий о том, что он давно уже стоит за революцию в церкви («Уральский Рабоч.», № 191). Между тем, этот «церковный революционер» в 1905—7 г.г. и позднее служил в царской охранке и занимался предательством рабочих.

Что тут ответить «Крокодилу»,
Мы всем твердили без конца,
Что там, где ряса и кадило,
Найти нетрудно подлеца.

Рис. Ив. Малютина.

В Тульской губернии крестьянам, внесшим сразу 100% продналога, выдано 15 арш. мануфактуры. (Из газет).

Эх, не спи мы с бабой-дурой.
Были бы с мануфактурой!

(Из крестьянских частушек).

ВИЛАМИ В БОК.

Некоторые кооперативы решили помочь России в деле возрождения и... «на окнах заблистали бутылки с винами».

Возрождение пошло полным ходом: завизжала по улицам гармоника, вспыхнула и разлилась четыре года неслыханная ухарская «матаня», зазвенели стекла окон, разбиваемые молодецкой рукой, заржали, загоготали пьяницы, толпами увеселяющие ночной порой улицы города. («Луч Правды», Вольск, 19-го сентября).

И не потому ли так распустилась, расхлябалась жизнь, что даже сами представители провинциальной власти «возрождаются», спотыкаясь о витрины с блестящими бутылками?

Для чего дан наган т. Симанову, участковому надзирателю управления милиции? —спрашивает «Набат» от 24-го сентября.— Ежедневно устраивает пьянство, буянство, полный содом. Являясь домой, начинает буянить, бить жену, делать выстрелы, куда пришлось, стучать в окно своей квартиры с обнаженным наготове в руке наганом.

А в царевщине, по словам «Луча Правды» (от 19 сент.) бывает и того чаще:

Перед отправкой арестованного в штаб района, братья Рыбакины предлагали милиционеру золото, чтобы расстреляли Николая, но тот не согласился.

Взялся за дело сам начальник 3-го района милиции Клюев и смотрите, какое поразительное спокойствие, как будто речь идет о самом обыкновенном деле!

Клюев отрыл по нему стрельбу. и совместно с подбежавшим Константином, убил его, и они пошли обратно к Царевщине... Клюев написал милиционеру Юдину записку (касается вдовы убитого):

«А ту бабу выведи на дорогу и застрели в затылок». Милиционер Юдин в точности исполнил приказание начальника: вывел ее за село и застрелил из винтовки. Отобранные у расстрелянной вдовы вещи, подарены начальником милиции милиционеру Юдину за работу.

Жутко. Тут не засмеешься. Одно хорошо, что вся компания арестована.

Хорошо работает Кормянский Сельсовет,— пишет газета «Новая Деревня», 29 сентября. Кто даст больше самогонки, тот и получает больше земли.

Пьется рекой горькое зелье, пропивается народная земля, ходит пьяным сельсовет и день и ночь.

Газета приводит интересный документ:

«Григорий! Просим дать для сельсовета 3 бутылки самогону, т. к. нам очень нужно.

Предсельсовета Молачев. За секретаря А. Поруков». Печать Кормянского сельсовета.

«Крокодил» уже точит вилы, чтобы пырнуть в бока этому «Совету нечестивых».

«Карельская Коммуна» 24 сентября печатает список пьяниц, обложенных штрафом или заключением под арест на разные сроки, а при этом приводит такое назидание:

Сегодня в нашей газете печатается список лиц, которые вином опиваются и в нетрезвом виде в публичных местах появляются. Пусть все приносящие жертву Бахусу, обратят внимание, какое двадцать пьяниц понесут наказание.

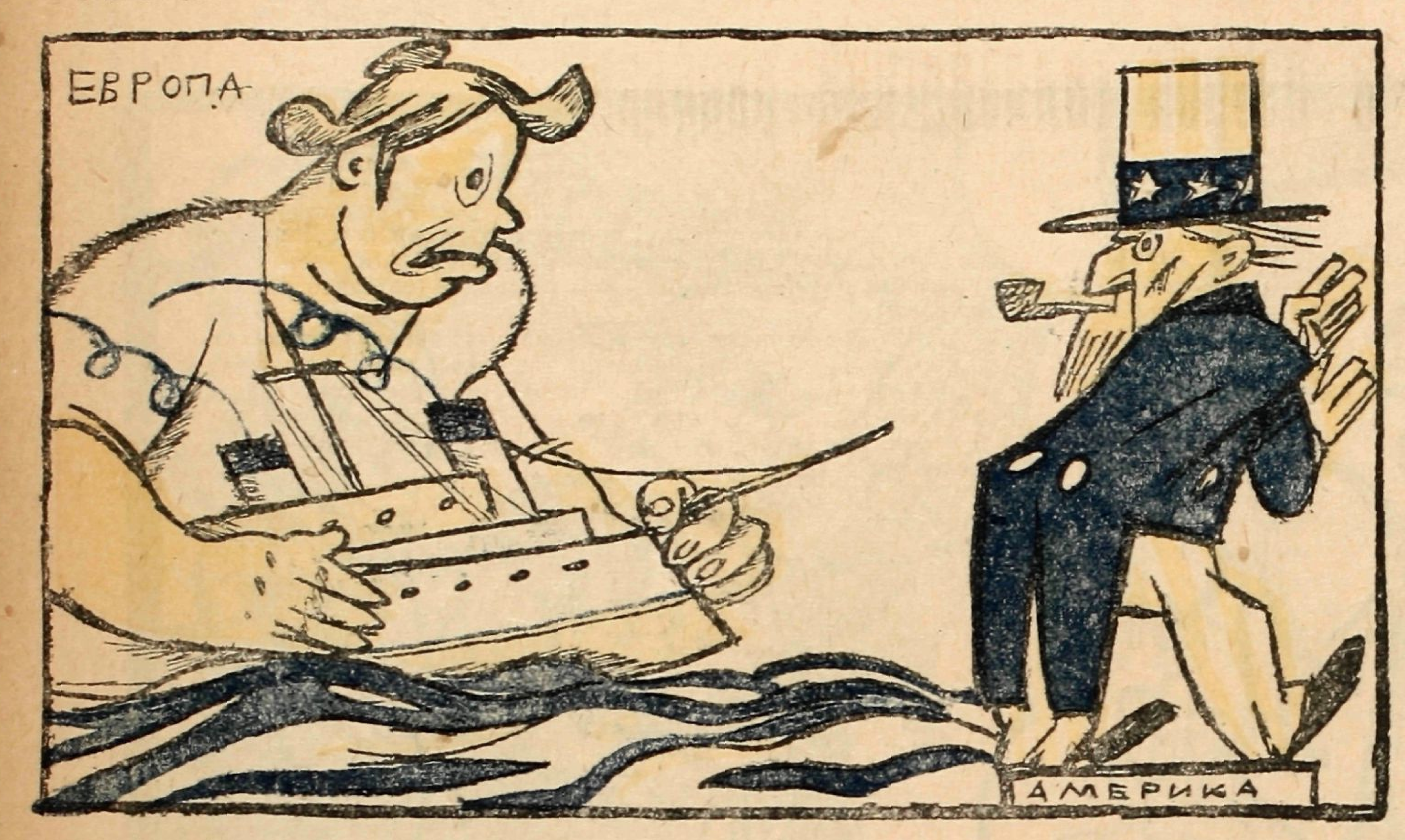
Бросайте же, ребята, зелье поганое пить, да денежками сорить.

Мих. А.

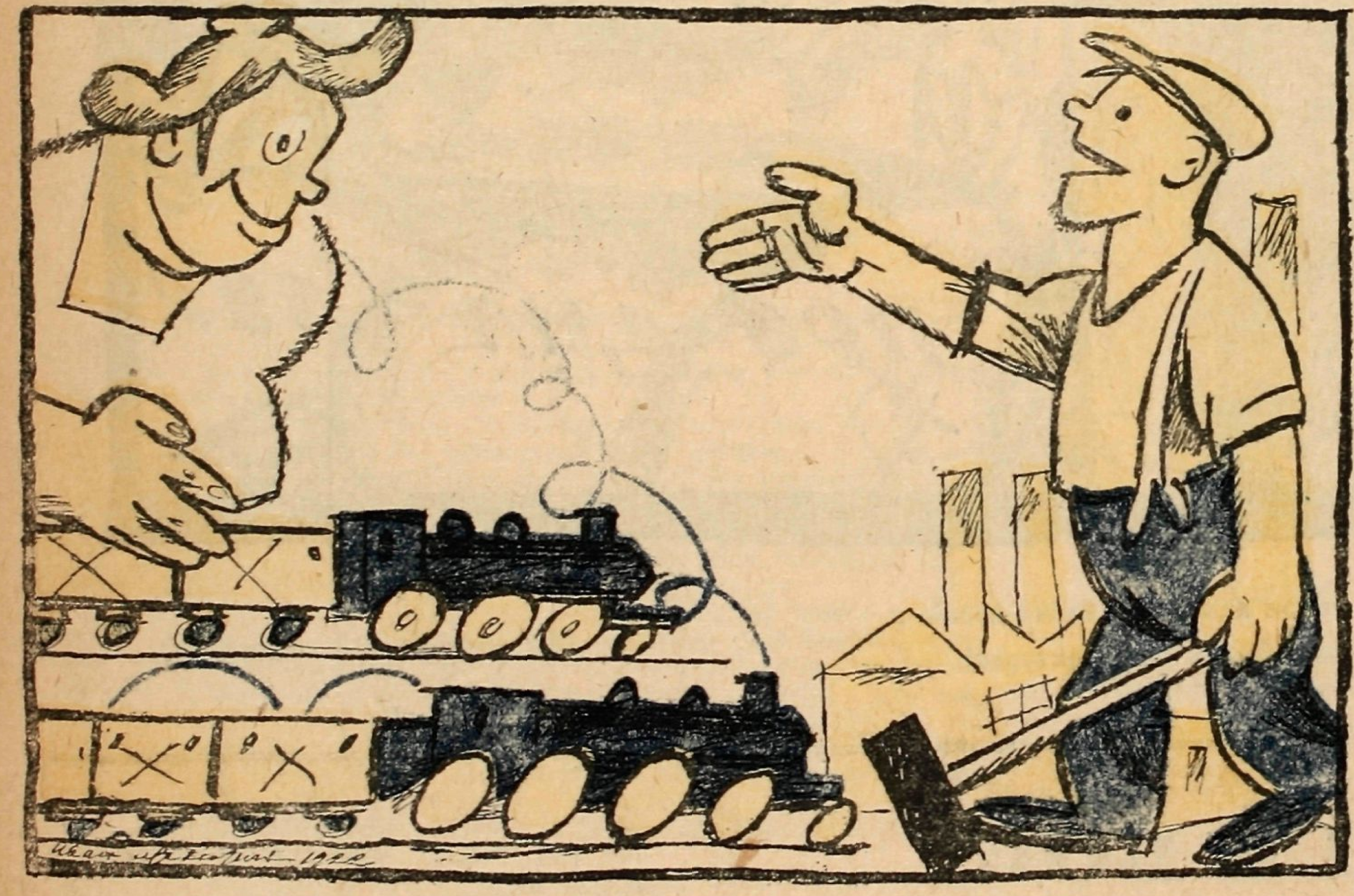
Рис. И. Малютина.

НЕВОЛЯ ПУЩЕ ОХОТЫ.

Америка установила новый таможенный тариф, благодаря которому ввоз товаров из Европы становится крайне затруднительным для европейских государств.

Америка: Что? товары? ради Бога. Не ввозите слишком много!

Р. С. Ф. С. Р. Что? посбили, видно спесь? Ну, показывай, что есть!

«ВСЕМИРНЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ».

«Неужто и нет обывателя вовсе: вот он—я обыватель».

А. Белый.

«Устои обычной действительности для меня—ерунда».

А. Белый.

«А пайка он (т.-е. А. Белый) требует, да не обычного... И негодует, что не торопятся преподнесть»... Л. Троцкий. «Правда», № 221 от 1 октября с. г.

«Стекло пэнснэйное искриться»,
Зачем-же повседневном «мате»
С материей низкой там возиться—
Хочу быть просто обыватель.
О, электронная уныль,
Антропосовствуй в мягкой вате.
Миры- миры—пустая пыль....
А я—безгрешный обыватель.
И молвлю я, не устрашась
Трасцендентальной предпосылки...
Нельзя-ли на пайковый стаж...
Рабочий:
Что-ж, можно... Кушайте... опилки...

Рабочий ДО.

Сотр. «Правды».

ПИСЬМО.

Вспомните времена до «нэпа»,
Вы бегали, Аня, в коротеньком фартучке.
Я часто заходил из Совдепа,
И вместе мы радовались детской карточке.
Помню детскую очередь на литер «Б»,
Плитку шоколаду, три фунта манной...
Сейчас, право, кажется, странной,
Ваша искренняя радость крупе!
А помните, во время продкризиса,
Однажды я вам воблы принес,
Вы горячо меня поблагодарили,
И все-таки зажали фартуком нос...
Но вот времена другие настали:
Посылки из «Ары», сахаротрест.
Красной буржуйкой вы быстро стали,
И на нашей дружбе поставлен крест.
По сокращению штатов, теперь уволен я,
И бесконечно прошу об одном:
— Во имя прошлого, Анна Анатольевна,
Окажите протекцию мне в Моссельпром!

Ошанин.

ОДНА ИЗ МНОГИХ.

В службе тяги служил Елисей Ромоданов.
Вдруг... пленила его Поликсена Истомина.
Сидела она около задних диванов,
Такая субтильная, тонкая, как соломина.
А коса... не коса—бутафория.
С этого-то и началась история.

Она писала накладные на разные станции,
На большой и малой скорости груз,
А он выдавал квитанции,
(А какие—перепутать боюсь!).
Щелкали на щетах, переглядывались,
А уж чувства сами-собой угадывались.

Поля Истомина любила сходить на балет,
Покушать хороших котлет,
Дорогой туалет,
И браслет,
И атласы, меха,—
Как тут с ней не дойти до греха?
Тут и стал Ромоданов гадать,—
Как и где бы деньжат откопать.

Раз купец попросил Ромоданова,
Чтоб отправил вагон до Иванова.
А в вагоне был сахар и чай.
— Сделай милость и... вот, получай!
(Сунул в руку мильонов с пол-ста,
У купца-то сума-то толста!).

Ромоданов от радости пьян,—
Сунул деньги в карман,
Поглядел на соседний диван:
— Не хотится-ль пройтиться в шантан?
Ромоданов на все был готов,
Не жалел обольстительных слов,
Обещал виноград,
Шепталу, шоколад,
И конфеты различных сортов.

Поликсена уж так-то ли рада...
Как же ей не поесть шоколада,
И конфет, и орехов, халвы
(Понимаете вы?).
День проходит за днем, день за днем.
Ромоданов мечтал об одном,
Чтобы этак, в сторонке, с проста,
Получить миллионов с пол-ста.
И сдирал,
Обирал,
И с Полиной гулял,
Хоть и совесть была нечиста.
Стал он взяточник первой руки,
И... дождался вниманья Чеки.

Так что Поля осталась одна,
Как и прежде, худа и бледна,
И румянец прельстительно ал,
На щеках у нее не играл...

Кузьма Рощин с супругой.

ЗАКОННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Милиционер ведет самогонщика в комиссариат и сдает дежурному...

Дежурный:

— За что взяли?.. За самогон, что ли.

— Точно так, товарищ дежурный... Только это меня неправильно взяли. Никаких правов брать не имели.

— Как неправильно. Гнал?

— Гнал-с... Только это неправильно.

— Да что неправильно?.. Сам же говоришь—гнал.

— Ну и гнал... На законном основании. Потому и гнал...

— Фу, чорт... Толкуй ему... Какое же у тебя было законное основание гнать?

— Было-с... У меня и бумажка есть.

— Э-э. Чтоб тебя... Какая бумажка?

— А вот извольте... Из суда...

— Гм... Что же здесь... «Предлагаем... гм... гм... внести штраф сто миллионов по приговору... гм... гм... за выгонку самогону»... Ты уже второй раз!

— Вот именно... Должен же я штраф внести! Чтоб значит сто миллионов заплатить. Я законы-то знаю! Сказано заплатить—ну и заплачу... На законном основании гнал... Потому—я человек законный...

БОБ.

В стране доброй голландской королевы.

Рис. Б. Ефимова.

В Голландии посреди песчаной пустыни у г. Дордрехт стоит всемирно известная фабрика замков Липса.

Как тюрьма возвышается огромное бетонное здание в пустыне.

Внутри фабрики живут „свободные" рабочие под таким режимом, которого не вынесли бы даже рабы в древнем мире. Древние работорговцы были заинтересованы в том, чтобы беречь своих рабов. Наши теперешние торговцы рабами в этом не нуждаются, и здесь царствует лишь режим убивающей эксплоатации.

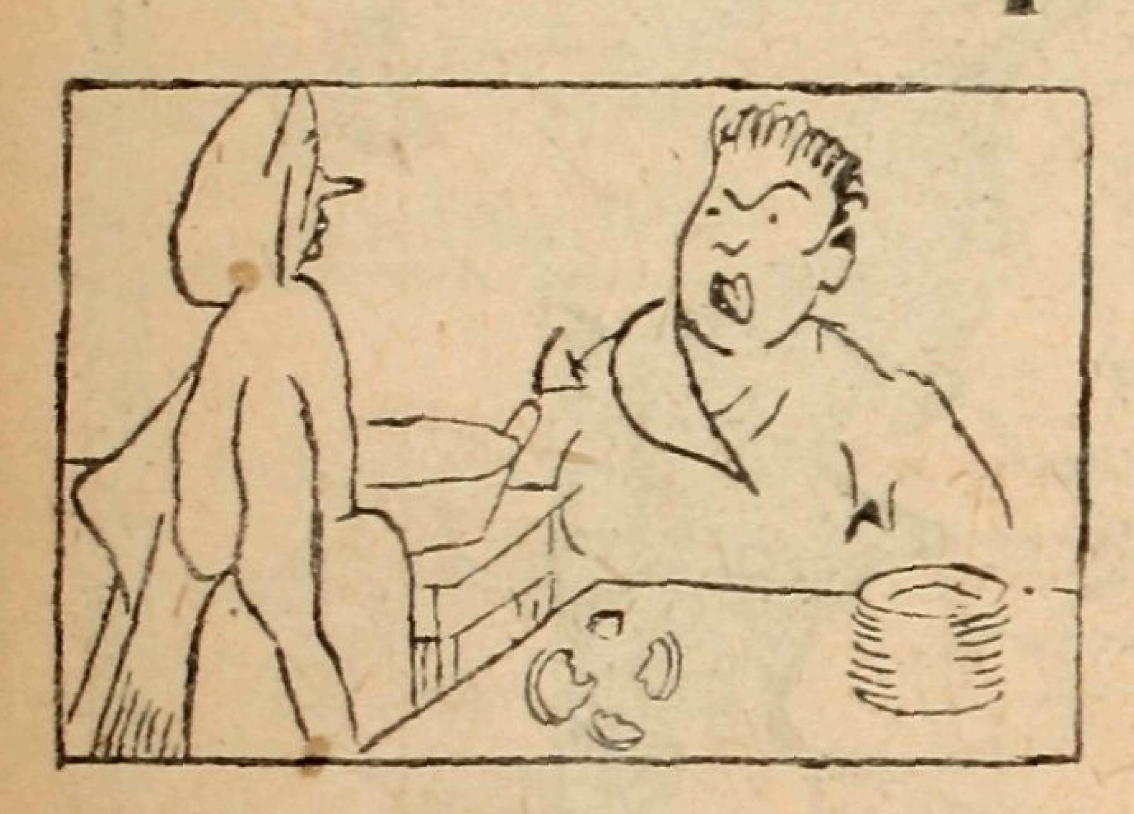
В Голландии сыр со слезой,—сыр идет буржуям, а рабочим слезы.

Рис. Д. М.

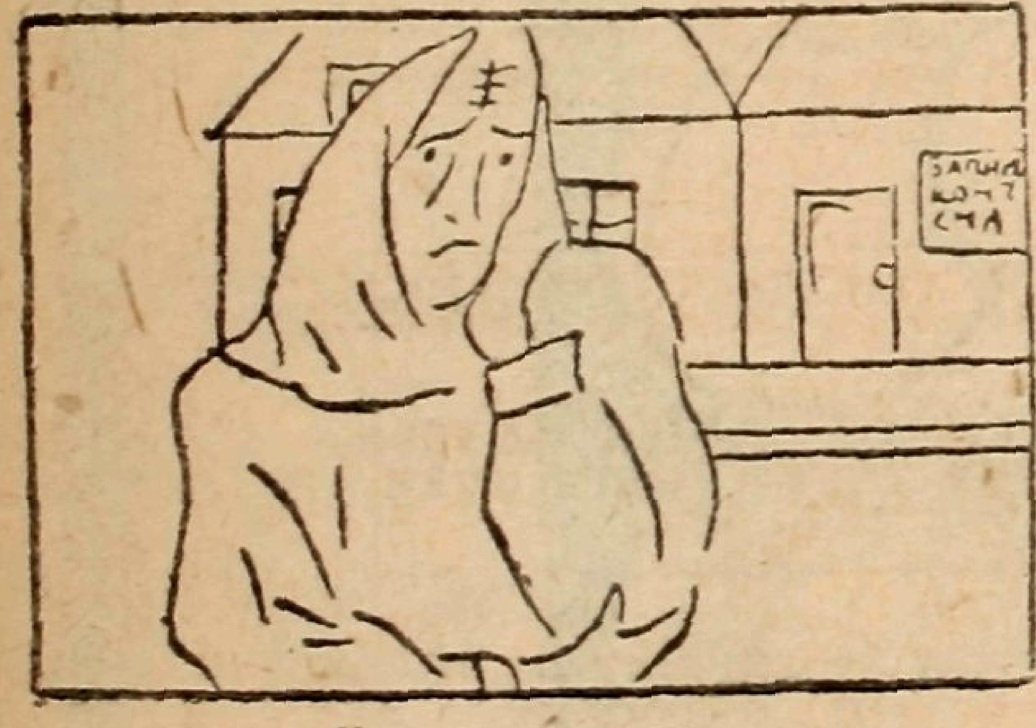

Страничка читателя.

Рис. рабочего Соколова, из Донбасса.

Прислуга разбила тарелку.

Хозяин прогнал.

15 СИНТЯБРЯ 1922
ВЕНОКУР ДОРГОВЕЦ

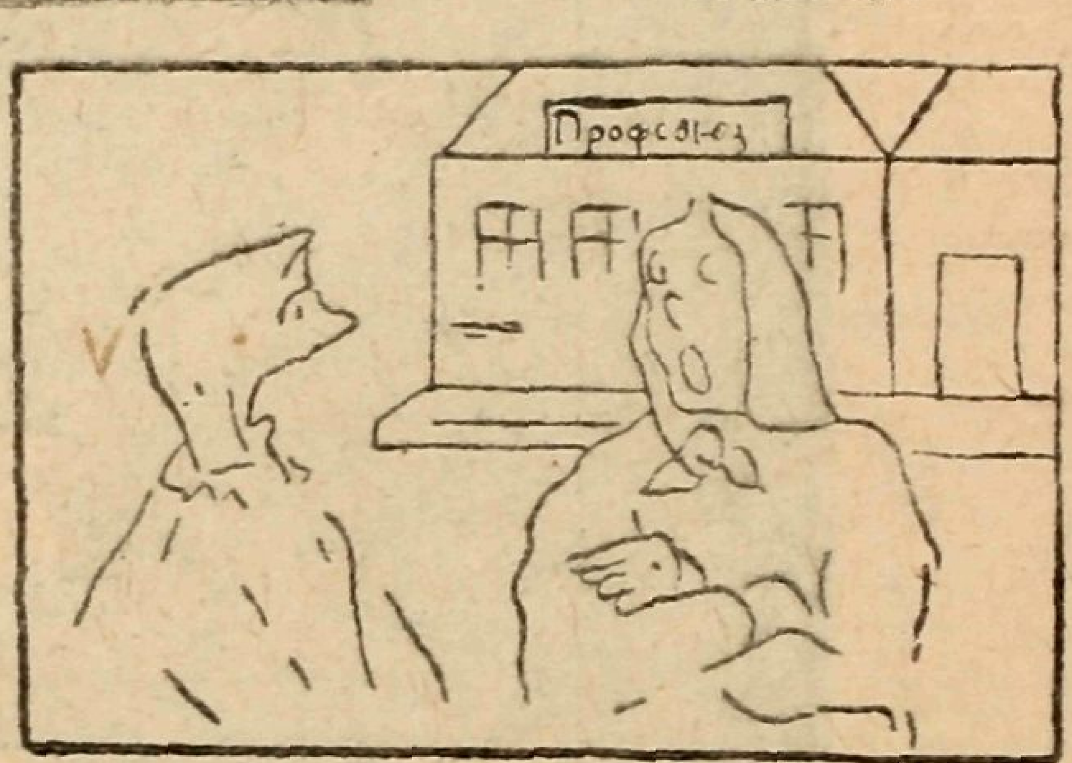
ВЕНОКУРЪ ТОРГОВИЧЪ ВТЕ-
МНЫЕМЪ МЕСТЕЧКИЪ
ВАРИТЪ САМОГОНКУЪ
СИДИТЪ ВОДЛЕПЕЧКИ.

ИСАМЪ ПОНЕМНОШКУЪ
ДРОВЕЦЪ ПОДКЛАДАИТЪ
СТАРИННАЮЪ ПЕСНЮ
ВСЛАДУЪ ЗАПЕВАЙТЪ

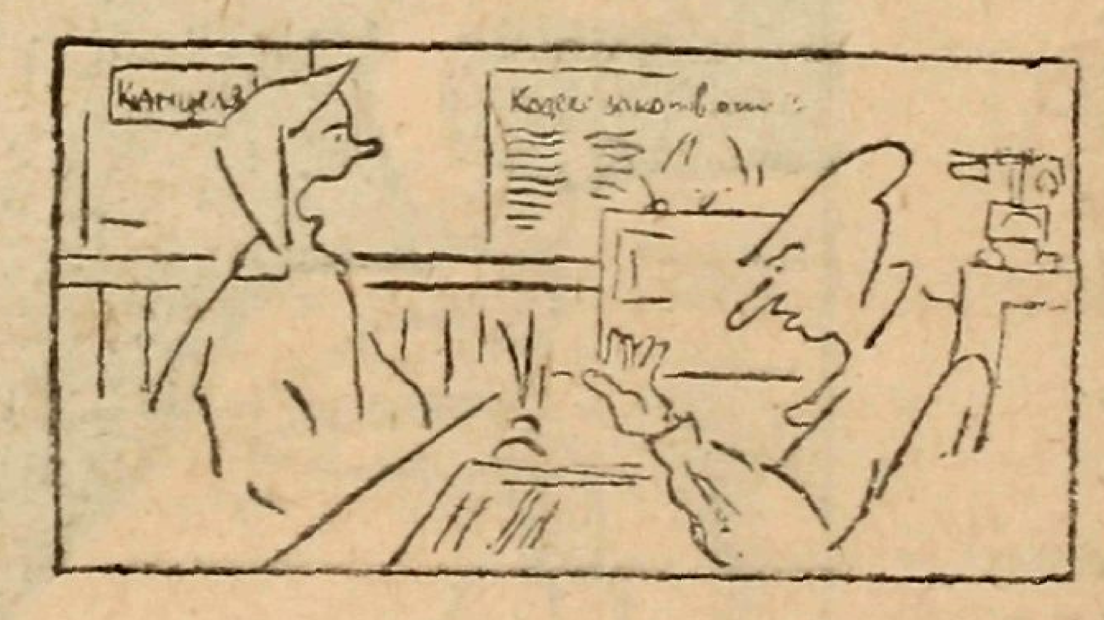
ПРОЖИТЬЕЪ БЫЛОЕЪ ПРО-
ТРАХТИРЪ ИВОДКУЪ
ИРУКОЮЪ ГЛАДИТЪ ЧОРЬ-
НАЮЪ БОРОДКУЪ

Ф КОНДРАШИН

(Стихи пролетарского поэта тов. Кондрашина),

Подруга послала в профсоюз.

Секретарь говорит:
— Надо было давно записаться.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Москва.

Жильцам д. № 10, по Антипьевскому пер.—Жильцы д. № 10 жалуются в стихах, что какая-то гр-ка Байкова мешает им устроить в квартире ванну. Под стихами подписи трех мужчин:

«Крокодил» сочувствует угнетенному положению трех несчастных мужчин. Требуйте равноправия!

П. Яровкину.—Яровкин пишет:

Лети письмо, взвивайся,
Большевику не попадайся,
Раздуй свое кадило
У ног крокодила.

Плохо рассчитал гр. Яровкин! «Крокодил» самый разбольшевистский большевик и есть. Прочитал он приписку: «Мой первый опыт» и сказал:—Пусть он будет и последним.

Рабочему До.—«Всемирный обыватель» — пойдет. Пишите еще.

Элькис.—В своем фельетоне гр. Элькис пишет: —«Что вы скажете на Ближне-Восточные дела?», а в конце прибавляет:— «Я не премину явиться лично в редакцию за получением гонорара».

Нет, гр. Элькис! «На гонорарные дела» мы вам ничего не скажем. «Нам словно с гуся вода»,—как сказал Пуанкаре в вашем фельетоне.

Провинция.

М. Каменка, Ив.-Вознес. губ., «Красной акуле».—«Красная Акула» просит поместить невероятно длинное стихотворение, в котором ругает председателя волсовета Шипятинской волости за пьянство. Крокодил решил поместить из всего стихотворения две строчки:

Председатель волсовета,
Пьет безмерно, как свинья.

И добавляет от себя:

Просит взгреть его за это
Крокодилова семья.

Ростов-Ярославский, т. Ошанину.—«Крик моды» и «Письмо» приняты. Пока 25% попадания. Пишите еще.

Владикавказ, тов. Я. Николаеву.—Тов. Николаев прислал стихотворение, воспевающее «Рабочую Газету» и «Крокодил». По своей природной скромности, «Крокодил» хотел просто поблагодарить тов. Николаева, но тут прибежал завед. издательством, вырвал четыре строчки и сказал, что он умрет, если мы их не поместим. Пришлось поместить,—жалко человека. Вот они:

Коль нет денег, друг мой, знай
Есть исходец дивный:
Все подпишемся давай
Мощью коллективной.

Армавир, С. Бакланову.—«Армавирские прелести» идут в этом номере. «Крокодил» вообще любит всякие «прелести»: может быть вы еще для него поищите.

Лейзову.—Какой-то Лейзов прислал стихи в «Европейский Журнал Крокодилий», написанные по старой орфографии, под названием: «Монархический эпос». Почтальон доставил его нам и взыскал за марку. Письмо дошло до корзины.

Пожилая и молодая.

„Французская республика должна помочь своим опытом Русской республике, как старая дама—молодой .

Из беседы с Эррио.

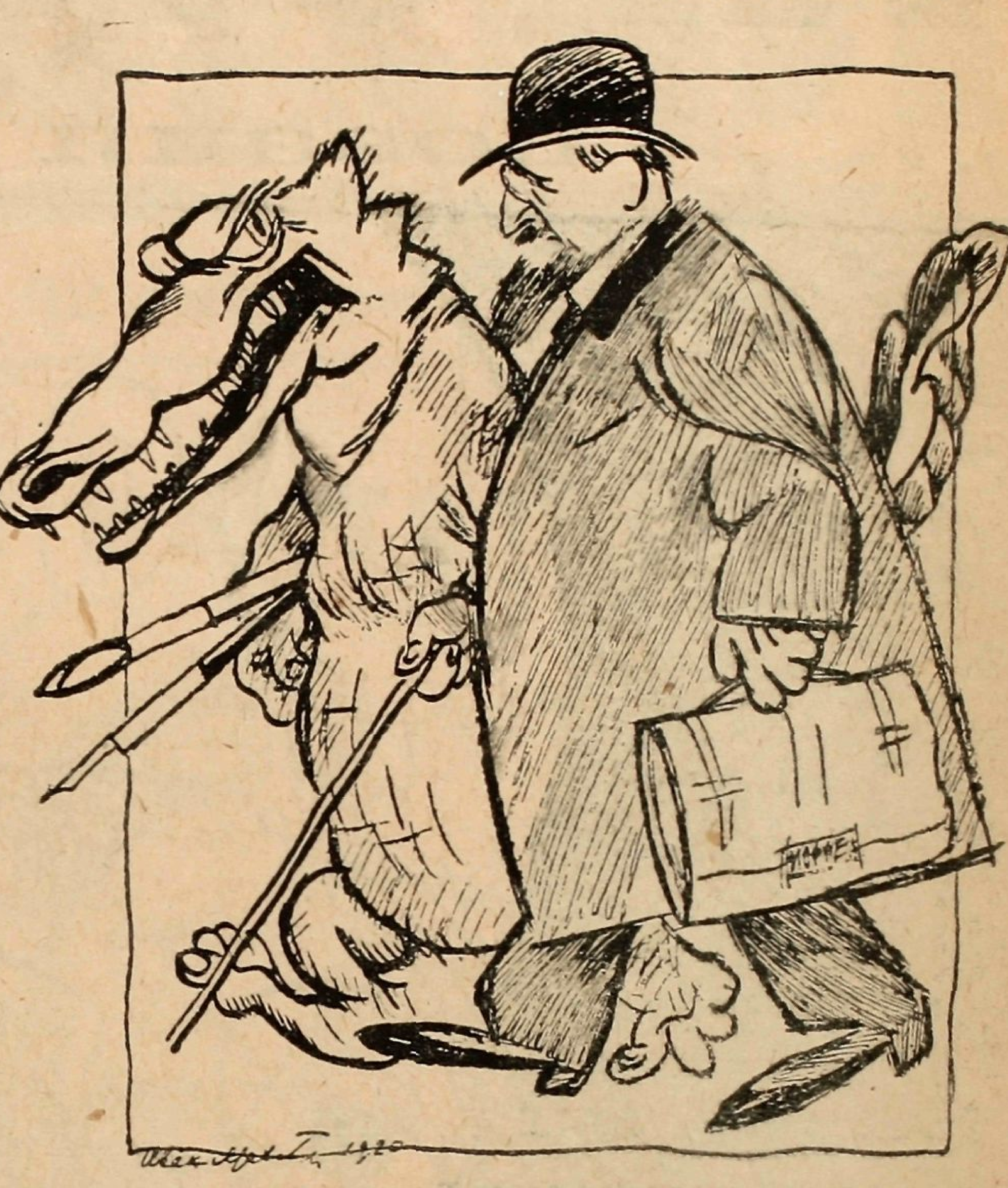
Пожилая молодой
Помогать опять готова,
Чтоб не кончилось бедой...
Вовсе, вовсе не сурова
Пожилая к молодой!
Сбиться с правильной стези
Ей позволила б едва ли
Госпожа Буржуази
(Пожилую так прозвали:
Госпожа Буржуази).
Уж давно Буржуази
Увещала молодую:
Эй, налево не скользи!
Очень, очень негодую
Я, мадам Буржуази!»
И грозила: «Нет, постой!
Подберусь к твоим я косам!
Танцы с публикой простой?
И с рабочим, и с матросом?
Нет, голубушка, постой!»
А потом Буржуази
Нанимала генерала.
Ну-ка, ты ей пригрози!
Я ругаться с ней устала,
Я—мадам Буржуази.

В нем нашла Буржуази,
И помощника, и друга...
(Впрочем, с ним-то—лишь в связи
Капиталу же—супруга
Госпожа Буржуази).
Пожилая молодой
Вновь помочь теперь готова:
«На, мол, опыт мой седой!»
Вовсе, вовсе не сурова
Пожилая к молодой!
Ведь всегда Буржуази
Либералила но в меру:
Ей рабочий—не дерзи!
Не к эсдеку, но и эсеру
Не строга Буржуази...
А теперь Буржуази
Строит глазки и рабочим
(Верить, боже, помози!),
Это ново. Ну, а впрочем,
В добрый час, Буржуази!
Молодая с пожилой
Ссор не ищет паки-паки...
Опыт—ну его: долой
Пошлый опыт! Но без драки—
Ей же лучше: пожилой!

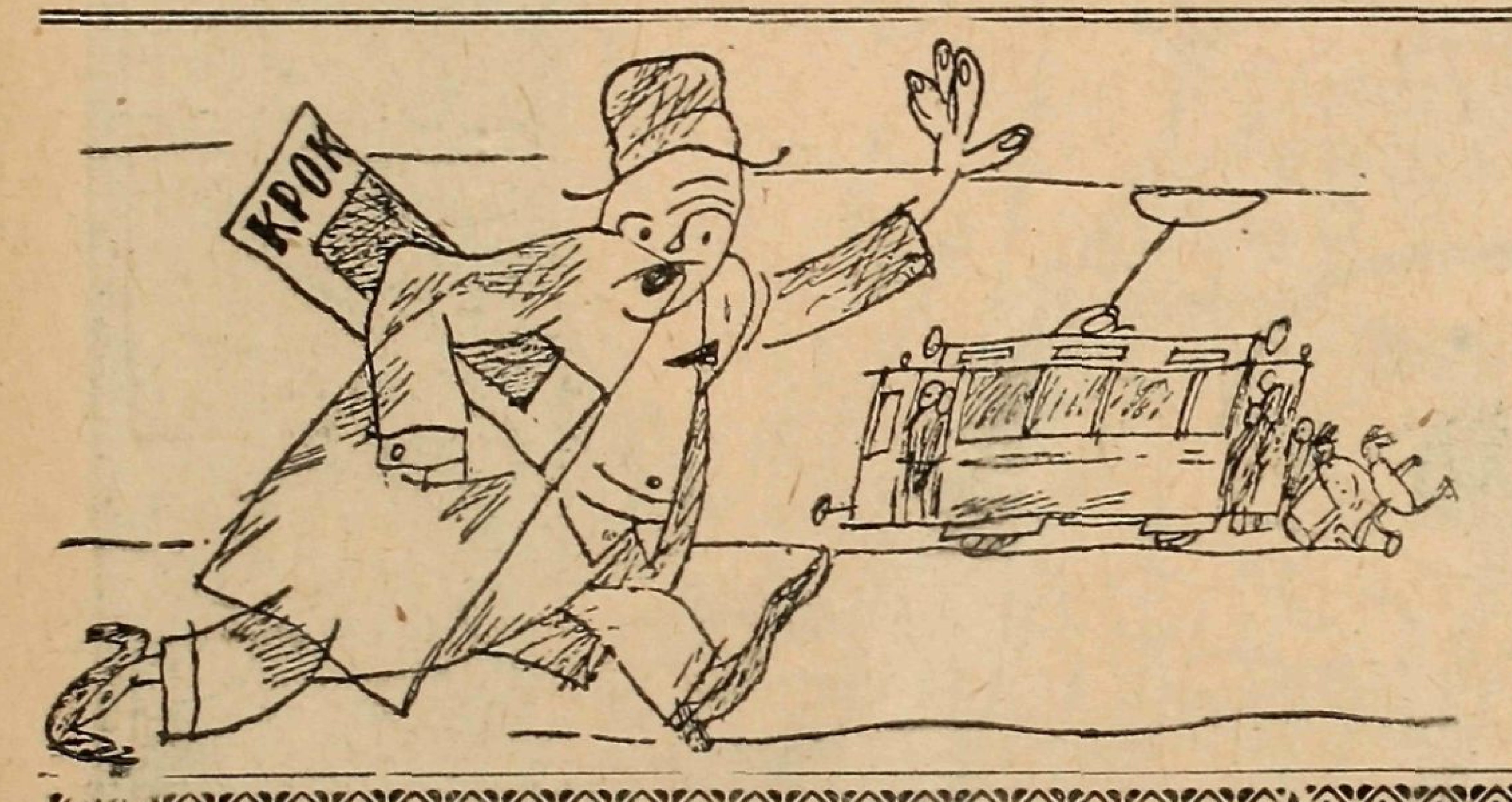
ГР.

Рис. Ив. Малютина.

рокодил (обращая ь к Иоффе': Мы еще будем с вами вЧань-Чуне,'без нас дело не обойдется!

Главлит 7-я типография „МОСПОЛИГРАФ" (быв Мамонтова) Редакционная Коллегия.

КРОКОДИЛ

Рис. М. Черемных.

ПОЭЗИЯ РЕМОНТА.

Чуть отдохнув от урагана,
От ран оправившись едва,
Опять цветистые румяна
Кладет на облик свой Москва.
Столяр, маляр, кузнец и плотник,
Чтоб подновить ее красу,

В корсет лесов зажавши плотно,
Свое уменье ей несут
Она же с радостной улыбкой,
Покрыв асфальтом башмаки,
Тайком свой образ ищет зыбкий,
Глядясь в стекло Москвы-реки.

А утро красит алой краской
Кокошник гордой головы
И хочет красною повязкой
Сменить былой убор Москвы.